

УДК 304

1 марта 2009 года: кризис и выборы

Беляков Р.Ю.

Кандидат исторических наук, доцент
Казанского государственного технического университета им. А.Н.Туполева

В статье рассматриваются основные политические итоги региональных выборов 1 марта 2009 года. Автор дает анализ эффективности модели российской «малопартийности» и перспектив отечественного политического процесса на ближайшее время.

Ключевые слова: кризис, выборные технологии, эффективность модели российской «малопартийности», выборы.

Тема «мировой экономической кризис и российская политика» не может не вызывать повышенного интереса. Это первое по-настоящему всеохватывающее испытание для нашей страны после того, как Россия вступила (или вернулась) в систему рыночного капитализма.

За последние годы было много сказано комплиментарных слов о «молодом капитализме», «эффективном менеджменте», «сырьевой сверхдержаве», «запасе прочности» и проч. На этом фоне произошли реальные сдвиги в образе и качестве жизни, а в сознании правящего класса и значительной части обывателей стало проявляться «головокружение от успехов», пробиваться мысль, что главные проблемы позади. Забылись, казалось бы, твердо усвоенные в прошлом азы марксизма, согласно которым «капитализм – это циклические кризисы, обнищание и безработица».

Между тем, можно третировать коммунистов, попытаться опровергать Маркса, но признавать неизбежность кризисов и системно готовиться к ним – это было настоящей необходимостью. Но кризис, как всегда, пришел неожиданно.

Первая реакция в российском обществе на рост кризисных явлений в целом показала, что

на уровне, как говорится, безусловных рефлексов наше сознание изменилось не очень значительно. Как и многие десятилетия тому назад, русский человек вновь стал искать ответственного за неудачи подальше от национальных границ. В данном случае «крайним» назначили США. Одновременно не удержались и от столь же традиционного бахвальства по принципу: «море по колено».

Естественно, что упорное нежелание видеть чисто российские причины и особенности кризиса будут и уже мешают искать рецепты борьбы с ним. Самое ближайшее время покажет, насколько Россия реально продвинулась в реформировании своей экономической системы.

Не менее интересно будет проанализировать, как покажет себя в условиях социальных испытаний политическая система нашего государства. До сих пор во внутренней политике России XXI века были кризисные ситуации: громкие политические скандалы и убийства, террористические вылазки, реформы и контрреформы. Однако все это проходило на фоне благоприятной экономической конъюнктуры и последовательного укрепления центральной государственной власти.

В результате власть стала настолько уверена в своих силах, что она пошла на установление системы в стране титульного двоевластия в лице Президента и Премьера. Могут поправить, но вспоминаются только несколько прецедентов такой модели в отечественной истории. Первый случай – это история с двумя государями при Михаиле Романове, когда его отец, патриарх Филарет, стал официально носить титул государя. Второй – это присутствие на престоле Русского государства двух царей – Петра и Ивана в 1682-1696 гг. Третий случай – это пресловутое «коллективное руководство» в период коммунизма, которое создавалось после смерти Сталина и свержения Хрущева.

Кстати, во всех случаях эта практика не прижилась. Уже желание быть государем у патриарха Никона встретило яростное сопротивление светской власти и повлекло его извержение из сана. При двух малолетних царях сначала реально правила их сестра Софья Алексеевна, затем клан Нарышкиных. Однако все закончилось жестким единодержавием Петра Великого. «Коллективное руководство» распалось, и ему на смену приходили мини-культы личности. Именно поэтому политики, журналисты, ученые не без азарта обсуждали, чем обернется опыт нового дуумвирата в постсоветской России.

Первые месяцы деятельности тандема «Путин – Медведев» при всех шероховатостях показали, что конструкция является достаточно жизнеспособной. Тем более интересно, как все это будет работать в период кризиса. И первым серьезным испытанием можно считать выборы 1 марта 2009 года, когда в России состоялся очередной «единый политдень».

В девяти субъектах Российской Федерации были избраны региональные законодательные собрания. Помимо этого, состоялись довыборы на уровне региональной законодательной власти, а также в ряде городских округов и муниципальных районов прошли выборы мэров и глав муниципальных образований.

При анализе предвыборной ситуации необходимо учитывать следующие факторы:

1. Избирательная кампания по времени пришлась на начальную стадию экономических трудностей, когда контуры кризиса, реальные социальные проблемы (угроза безработицы,

рост потребительских цен, снижение уровня социальных стандартов и др.) еще только стали обозначаться.

2. При сравнении с результатами выборов 2007 года следует иметь в виду, что тогда во главе списка «партии власти» стоял Владимир Путин, и голосование за «Единую Россию» фактически было приравнено к вотуму доверия ему.

3. В условиях «малопартийности» электоральные шансы оппозиции несколько возросли, поскольку оставшиеся партии искусственно аккумулировали голоса структур, ушедших в политическое небытие.

4. Серия отставок губернаторов, которая была проведена накануне выборов 1 марта, по мнению наблюдателей, могла оказать серьезное влияние на политическую позицию глав регионов, которые были способны увязывать итоги выборов со своим будущим.

Если рассматривать итоги прошедших выборов с учетом отмеченного, то в целом их можно назвать прогнозируемыми, даже закономерными.

Как и ожидалось, выборы прошли при существенном снижении электоральной активности населения. Рекорд в этом отношении дали выборы во Владимирской и Архангельской областях. На Владимирщине падение составило почти два раза (с 60 до 34 %), на русском севере процент проголосовавших избирателей упал до 36 %, то есть на 18 пунктов. В Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Волгоградской области к урнам пришло на 16-17 % меньше, чем в 2007 году. В остальных регионах (Республика Татарстан, Хакасия, и Брянская области, Ненецкий автономный округ) снижение электоральной активности населения составило от 5 до 8 %.

Таким образом, «голосование ногами» стало явной формой социального протеста.

Партия «Единая Россия», что тоже прогнозировалось, несколько сдала свои политические позиции. Победив во всех девяти регионах, единороссы в двух из них (Волгоградская область – 49,34 % и Ненецкий автономный округ – 41,76 %) не сумели получить абсолютное большинство голосов. Причем в Ненецком автономном округе они уже и в предыдущие разы не получали 50 % + 1 голос (в 2007 году за ЕР в округе проголосовало 48,78 %).

Больше всего процентов ЕР потеряла на Кавказе. В Кабарде и Черкесии рейтинг «партии власти» упал более чем на 20 %, соответственно с 96,12 до 72,29 % и с 92,90 до 69,17 %.

В других регионах (кроме РТ) уменьшение поддержки ЕР составило от 5 до 8 %.

В Татарстане единороссы показали наилучший результат, получив 79,31 %, что примерно на два процента меньше, чем в 2007 году и на 10 % больше, чем на предыдущих парламентских выборах в республике.

В принципе в условиях развивающегося кризиса можно было бы все это назвать серьезным политическим успехом. Однако есть группа факторов, которые обязательно необходимо учитывать.

Во-первых, региональные выборы вновь показали абсолютное информационное преобладание ЕР. Однако это превосходство оказывает все труднее конвертировать в необходимые проценты электоральной поддержки.

Во-вторых, партии-оппоненты не могли сравниться с «партией власти» ни в материально-финансовом, ни, что особенно важно, в кадровом отношении. Однако и в этих условиях им удалось укрепить свои политические позиции.

В-третьих, социология показывает, что основной протестный потенциал на этих выборах размещается среди тех, кто их проигнорировал. Под информационно-политическим давлением к урнам пришел, что называется, коренной избиратель ЕР. Результаты для «партии власти» могли стать гораздо хуже, если бы протестный электорат все-таки на выборы пришел. Складывается своего рода электоральная ловушка. С одной стороны, низкая явка снижает легитимность выборов и фактически является политическим «неудом» власти. С другой стороны, повышение процента проголосовавших идет на пользу оппозиции.

Наиболее тревожные звонки для единороссов, пожалуй, прозвучали не на региональных кампаниях, которые при всем их политическом значении, все же затрагивают интересы избирателей опосредованно, а на местных выборах.

В Смоленске кандидат ЕР в мэры этого крупного города пришел по итогам только третьим. Первое место занял Эдуард Качановский, которого 2 февраля демонстративно исклю-

чили из ЕР за нарушение партийной дисциплины, а именно за отказ снять свою кандидатуру на муниципальных выборах. Тот факт, что Э.Качановский поспешно декларировал свою приверженность «партии власти», не снимает общего неловкого положения вокруг выборов городского головы Смоленска.

Вызывающий результат получен в Твери, где коммунисты на выборах в городскую думу сумели собрать почти в два раза больше голосов, чем «партия власти».

ЕР проиграла в 7 из 16 муниципальных образований в Свердловской области, в двух из четырех в Калининградской, «сдала» два мэрских поста в Ростовской области. В Санкт-Петербурге резонанс получило поражение на выборах сына Бориса Грызлова Дмитрия, который на муниципальных выборах в районные управы создал «блок Грызлова».

Характерно, что в комментариях по итогам выборов представители руководства ЕР придерживались самых бравурных тонов. Однако пристальный взгляд показывает, что сравнение центральный аппарат ЕР вел не с думской кампанией, а с результатами предыдущих региональных выборов. Это позволило даже констатировать прирост поддержки, так как эти выборы проходили еще до завоевания ЕР статуса партии большинства.

При этом заявления о необходимости кадровых решений в отношении ряда представителей единороссов выглядели вообще не очень логично.

Таким образом, избирательная машина ЕР, которая до сих пор работала практически без сбоев, в условиях кризиса стала подвергаться перегрузкам. В дальнейшем ситуация, скорее всего, будет осложняться.

КПРФ завершила выборы тем, что практически везде существенно улучшила свои результаты, преодолела установленный барьер во всех девяти регионах, а в шести по результатам уверенно заняла второе место.

Во Владимирской области коммунисты собрали голосов вдвое больше, чем в 2007 году, что составляет около 28 %.

Результаты, которые сопоставимы с поддержкой периода пресловутого «красного пояса», дали Волгоградская (23,48 против 15,72 % в

2007 г.) Брянская (22,76 против 17,09 в 2007 г.) области.

В Хакасии коммунисты прибавили 2,2 %, в Татарстане – более 4 %, в Архангельской области – 5, 5 %, в Кабарде – более 6 %, в Карачаево-Черкесии – около 7 %, в Ненецком округе – около 9 %.

Естественно, что в основном речь пока что идет о восстановлении КПРФ своих утраченных политических позиций. Но в руководстве партии рассматривают итоги выборов 1 марта в более широком контексте как шанс укрепить позиции левых сил, перехватить инициативу, завербовать новых сторонников.

Об удовлетворении итогами мартовских выборов уже заявила «Справедливая Россия». Согласно принятой в этой партии форме подсчета голосов эсеры сообщили о том, что они в среднем увеличили число своих сторонников с 6,2 до 8,5 %. С особым удовольствием лидеры СР констатировали тот факт, что в Архангельской области и в Кабарде им удалось занять второе место, потеснив КПРФ. Почти на пять процентов прибавили эсеры в Волгоградском регионе.

Однако в двух регионах – в Республике Татарстан и в Карачаево-Черкесии – СР осталась за бортом распределения депутатских мандатов, получив менее 5 % голосов избирателей.

Практически топчутся на месте брянские, владимирские и ненецкие эсеры, поддержка которых не изменилась в сравнении с декабрем 2007 года. Во всех трех регионах их опередила партия Жириновского.

Невелики успехи эсеров и в Хакасии, где им удалось получить всего на два процента голосов больше, чем в думской кампании.

В целом «Справедливая Россия» по-прежнему проигрывает КПРФ борьбу за право быть второй системной партией страны и главной левой силой российского общества. Несомненно, что эсеры пока не в состоянии использовать в своих целях процесс роста социального недовольства.

Очень шумно и нервно реагирует на выборы ЛДПР. Жириновский грозит судебными исками, уже потребовал роспуска ЦИК РФ, отставки глав администраций Карачаево-Черкесии и Татарстана.

По всей видимости, лидер ЛДПР считал протестный электорат своей безраздельной

вотчиной, а его голоса должны автоматически достаться его партии. А серьезного роста не произошло, хотя в четырех регионах ЛДПР сохраняет свое «законное» третье место.

На самом деле ЛДПР без позитивной динамики окончила выборы в Хакасии, Волгоградской и Архангельской областях, Карачаево-Черкесии, уступила во Владимирской области и Татарстане.

На этом фоне прирост на 3 % в Брянской области, на почти 7 % в Ненецком округе и более чем десятикратное (с 0,41 до 7,02 %) увеличение электората в Кабарде стали для ЛДПР слабым утешением.

Важно, что во всех регионах Жириновский запустил агитацию со своим личным участием. Его раздражение видимо и вызвано тем, что бывшего эффекта все это не дает.

Пятым участником выборов 1 марта была партия «Патриоты России», которая выдвинулась в трех регионах. В двух из них (Карачаево-Черкесия и Хакасия) партия Семигина сумела получить депутатские мандаты. Причем в первом случае ей даже удалось занять второе место после ЕР с 11,41 % голосов.

В Волгоградской области ПР сумела только незначительно улучшить свой результат 2007 года с 0,73 до 1,18 %.

Тем не менее, ограниченный успех ПР может стать сигналом его лидеру для поддержания партии «на плаву».

Одним из существенных результатов кампании весны 2009 года является то, что на фоне снижения электоральной активности и рейтинга ЕР, существенно возрастает политический вес регионов, в которых власть и общество остаются консолидированными. Например, Татарстан во многом обеспечил «партии власти» вполне удовлетворительные результаты. Необходимо отметить, что если из общего числа избирателей в 10 миллионов, в РТ зарегистрировано более четверти всего электората, то среди активных избирателей Татарстан дал более 35 % всех проголосовавших.

Подводя общие итоги, следует отметить, что выборы 1 марта показали нарастание тенденции роста социального недовольства населения. Встает вопрос об эффективности в кризисный период системы российской «малопартийности». И глав-

ное здесь – чьи интересы представляют оставшиеся «шесть с половиной» политических партий.

В этой связи можно констатировать, что снижается эффективность избирательных кампаний ЛДПР и отчасти СР, которые представляют во многом мнимую оппозицию.

«Яблоко», как представляется, все больше вырождается в своего рода политическую секту, которая исповедует «новую» форму политической деятельности – не участвовать в выборах.

«Правое дело» присутствует больше на федеральном политическом поле, да и то не слишком активно.

В нынешних условиях избиратели стали гораздо более вдумчиво и разборчиво подходить к собственному выбору. Все это будет подталкивать политические партии к необходимости существенной корректировки своей платформы, форм и методов деятельности.

The 1st of March 2009: the Crises and the Elections

The article addresses the major political results of the regional elections of March, 1, 2009. The author analyzes the effectiveness of the model of Russian “mono-party system” and perspectives of development of domestic political process.

Key words: crisis, voting technologies, efficiency of the model of Russian mono-party system, elections.

